

СОЧИНИТЕЛЬСТВУ ПРЕДАН ДУШ

Беседа с Виктором Астафьевым в канун его шестидесятилетия

Широкая народная известность Виктора Петровича Астафьева росла на глазах моего поколения, шедшего почти следом за фронтовиками. И вот уже они, закончившие войну двадцатилетными, в этом году отмечают свой шестидесятилетний юбилей (у Виктора Петровича он будет через несколько дней — 1 мая), а мы приближаемся или перешли к приближению к рубежам... По родству выбора судьбы и я хочу сказать несколько слов о Викторе Петровиче, предвараю или большую беседу, в которой он сам о себе говорит искренне и с неподдельной правдивостью, без тени риторки, отвечая на самые неожиданные вопросы поклонников его

творчества — участников читательской конференции, которую провела редакция в «Круге чтения» некоторое время назад...

Более тридцати лет неустанно трудится в нашей литературе Виктор Петрович. Уже вышло много томов собрания сочинений — это его духовное и человеческое богатство. Я не буду перечислять содеянное им, а назову лишь то, что ценю особо, что ставлю в его литературе превыше всего, что мне ближе и дороже, просто как читателю и почитателю могучего таланта Астафьева.

Я глубоко уверен, что в ряду лучших, самых правдивых книг о Великой Отечественной войне есть две

непреодолимые вершины — «Горячий снег» Юрия Бондарева и «Пастух и пастушка» Виктора Астафьева. Физически почти уничтоженный, обремененный войной на тяжелейшие недомогания, но все-таки остающийся солдатом, духом не сложенным, он создал литературный шедевр — вечное проклятие человеческой войне. И тем не менее написал свое имя в отечественную литературу.

И есть вторая книга, которая по своей человеческой правде и мастерству приближается к «Пастуху и пастушке», книга «Затеси». Это большое явление, по своей художественной ценности, оригинальности, народности ни с чем, пожалуй, не сравнимое, если взять хотя бы

то, что появилось в последние несколько лет в нашей литературе. Может, оттого, что писалась эта книга новелл неторопливо, материал отбирался тщательно, материал болевой, разный высокой светлостью и ответственностью писателя. Редкая книга, честная.

Виктор Петрович — великий жизнелюб. Ясно: тяжело это жить в вальда войны, почти с юношеских лет терпеливо борющегося не с одним, а с целым десятком недугов, борющегося и неутомимо утверждающего жизнестойкость — и своим образом жизни, и местом правдивым служением литературе, социалистическому Отечеству.

Арсений ЯАРИОНОВ.

— Виктор Петрович, первый вопрос традиционный, но повторяющийся во многих письмах. Над чем вы сейчас работаете?

— Начал большую книгу о войне. Работа эта очень серьезная, изматывающая. Хватит мне ее на несколько лет, наверное... Кроме того, делаю маленькие рассказы о природе. В этом году выходит у меня несколько книг — «Избранные повести» в издательстве «Художественная литература», «Избранные рассказы» — в издательстве «Советская Россия» и сборник повестей и рассказов здесь, в Красноярске. Как всегда, выпускаю несколько детских книжек, очень люблю писать для детей...

Кроме того, почти одновременно выйдет на экраны кинофильм «Дважды рожденный» (сценарий написан вместе с Евгением Петровичем Федоровским), а телевидение выпустит фильм «Ненаглядный мой» — по рассказу «Тревожный сон». Вы же знаете поговорку: волка ноги кормят, а человека — работа. Я работаю... Сочинительству я предан душой...

— Сколько часов в день вы отдаете творчеству?

— Ну, это когда как! Это уже по настроению, по обстоятельствам; когда не мешают — работать я могу очень много. Если встаешь утром в каком-то таком бодром настроении, погода хорошая — от нее часто зависит общее состояние, меньше болит голова, например, — работаю без усталости. В отдельные дни нынче летом я писал до 12—15 страниц.

И все-таки дает знать о себе возраст, а в молодости как-то и не замечал усталости. Черновик «Пастуха и пастушки» был написан залпом, за три дня, в деревне Бывкове на Урале. Но должен сказать, что работоспособность сохранила хорошую и сейчас. Пишу я обычно с утра и подолгу — часов по шесть-семь, а бывало, и по двенадцать.

— Вы описываете подлинные события?

— В какой-то мере, конечно. Все, что пишется писателем, все-таки не совпадает полностью с тем, что он переживает сам. Это какое-то сращивание сценария наблюдений, самой биографии автора с фактами, оброщение какими-то событиями, и образно, непременно — сочинение. Писателя раньше называли сочинителем — это хорошее слово. Никогда не думаете же, что вот книга — и писатель списывал с действительности, что там изображено. У нас, к сожалению, так получилось, что, допустим, Николая Островского и Павлу Корчагина соединили вместе. Факты биографии автора присутствуют, конечно, в этой книге. И все же автор и герой — это не одно и то же. Лица героя и автора всегда разделены процессом литературного сочинительства.

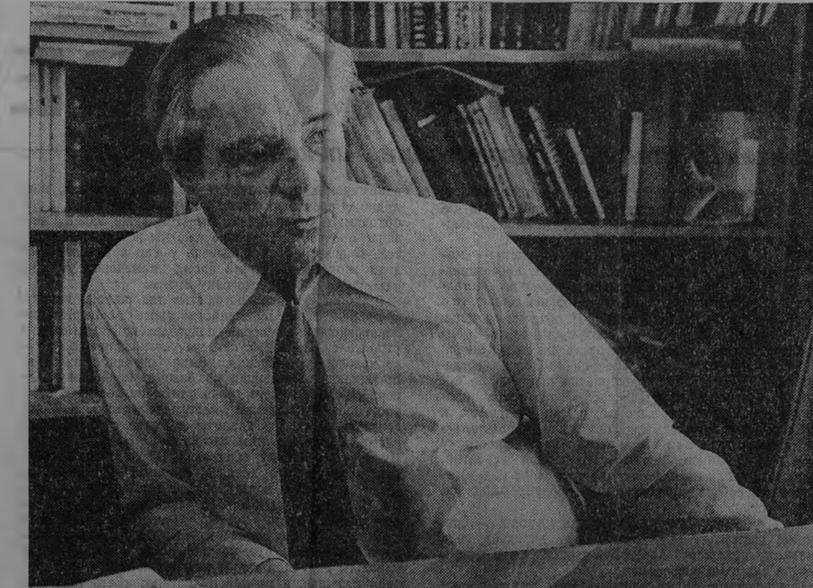
— Почему вы выбрали профессию писателя?

— Вопрос забавный! Видите ли, профессия писателя такая, что ее не выбирают, а, видимо, она выбирает. Тут уж настолько сложно... Думаю, что все-таки с наклонностями к сочинительству человек рождается. Когда я осыпался и остался у бабушки, она меня все хлопотней называла, то есть вручила. Я уже и в детстве что-то сочинял. Пошел на увал по землянику и там про волков ей, про змею, про такие страсти-мордасти наговорю. Она потом говорила: «Витя! Как тут по землянику ходил, так третий день врет!» Таких маленьких вральманов, которые безвредно врут, не имея от этого никакой выгоды, может, не всегда нужно и обрывать. «Хорошо, когда кто врет весело и складно!» — говорил наш великий поэт Твардовский.

Но это ничего еще не значит. Моя работа такая же, как и всякая другая работа — как у слесаря, как у лесоруба... Мастерскому человеку, который умеет много делать, а всегда завидую. Мой труд ничем не выделяется, это такая же работа, быть может, более редкая. Я никогда ее не выделяю...

— Есть ли в Сибири Васюткино озеро?

— Озера такого, конечно, нет. Этот рассказ я писал еще в школе, на уроке литературы писал сочинение. У нас был прекрасный учитель Игнатий Дмитриевич Роджерстевский. Это известный красноярский поэт, известный не только в Красноярске, но и за пределами его — вот он нам давал писать со-

чинения на волные темы. А я летом поблудил в тайге. И написал рассказ под названием «Жив!» Его напечатали в журнале. Тогда мало было журналов для детей, и книг было доступно мало — вот какие сейчас в школах библиотеки! А я, допустим, свою детскую библиотеку где-то за год всю прочитал, а дальше что? Иди добывать книги любыми путями! Ну вот, написал сочинение под названием «Жив!», и оно было напечатано. К сожалению, школа, где я учился, сгорела, в том числе и рукописные журналы погибли. Очень бы хотелось сейчас на них посмотреть! А много-много лет спустя я вспомнил об этом и написал на основании школьного сочинения рассказ «Васюткино озеро». Это первый мой рассказ для детей. Он вообще в моей жизни где-то второй или третий, и я его берю. У меня есть привычка, чем-то мне все переделывать, но «Васюткино озеро» всегда существует в том виде, в котором я его написал. Оно очень важное, это произведение, если его тронуть, оно просто рассыплется.

Я знаю, что этот рассказ ребята очень любят, и я рад этому. У меня была одна из задач, когда я писал его, чтобы ребята могли, кроме переживания, почерпнуть из книги возможность ориентироваться в лесу, и в жизни — все-таки многовато у нас сейчас ребят-белоручек. И не только ребят. Нынче у нас на Красноярском водохранилище — красивейшее место! — погибал один человек. У него было с собой все — хлеб, консервы, соль, спички, нож, но обуть был и одет, — и все-таки за семь суток чужь не погиб. А причина — придумал из города взять фланкичик бензина, чтобы ему легче было кочерг разводить. А этот бензин пролился и продукты все в мешке испортил. Мало того, за семь суток этот человек ни разу не переобулся, у него ноги просто сплились, и его едва спасли в больнице.

Одна из задач таких рассказов, как «Васюткино озеро», чтоб ребята, когда попадут в лес или в другие крайние обстоятельства — не теряться, как-то умели себя держать, могли себя спасти. Я хотел, чтобы молодежь была жизнеспособна, тверда, уверена в себе. Мне ребята иди, которые умеют

что-то делать своими руками — сколачивать, садить, выращивать, работать на земле.

— Когда вы начали писать — сразу после школы?

— Ну, где там! Когда я вышел из школы, я учился на станции Енисей в ФЗО железнодорожной профессии «Составитель поездов». Стоял 1942-й. Как учился быстро, скоропешно, надо было за полгода приобрести профессию и начинать работать. А по существу работали мы начиная с первой недели, работали зимой, ездили на практику в Красноярск и помогали взрослым. Да мы и сами себя уже считали взрослыми, хотя исполнилось многим по 17 лет.

Вот книги я читал всегда. Это сейчас, при нашем общем образовании и грамотности, пренебрежение книгой для многих людей стало в своем роде модой и формой жизни. Человека, который не читает, не общается духовно с теми богатствами, которые накоплены человечеством, мне, в общем-то, просто жалко. Может быть, оттого, что в детстве была книжка малодоступна, для меня до сих пор не кончилось волшебство ее воздействия. Сейчас, бывает, остановлюсь перед полкой книг и думаю: господа, могу протянуть руку и взять Достоевского, Толстого, Гоголя — открыть и свободно читать. Это счастье, к сожалению, многими недооценивается, как недооценивается сытыми людьми хлеб.

Работал я на станции Вазиха составителем поездов и оттуда ушел на фронт. Вот на фронте, во время затишья, в 1944 году, когда мы очень долго стояли в обороне, отоспавшись, отдохнувши, я сочинял письма зондиров. В общем, довольно много приходило писем на фронт от девушек с адресом на конверте: «Тому, кто не получает писем». И находились такие бойцы, которым не писали. Или в блокаде родились погибли, родственники, любимые, или развлеклись все, или, как у меня, — никого не было вообще, кто написать бы мог. Желание ответить находитесь, написать каждому хотелось кавалером выглядеть, написать хорошее письмо! Меня ребята даже от дежурств освобождали — садись и пиши, мы подежуришь. Я и сочинял, как соловей поет, как вишня зре-

ет — все эти шуточки-дрючки ребятам в общем-то даже нравились. Они потом переписывали... Вот таким сочинителем был у них!

— Как вы относитесь к экранизации своих произведений?

— Сложный это вопрос... До нынешнего года у меня вышло три фильма, теперь получится пять. «Сюда не залетай чайник» — по «Перевалу», потом «Таежная повесть» — по одной из глав «Парь-рыбы», «Звездапад» — по одной повести и две новые ленты, о которых я уже говорил... Ну как ответить? Недавно приезжала в Красноярск чтица, читала мои произведения, а я сидел в зале и слушал, сам — свои. И в общем, как-то отстраненно слушал, как будто это вещи совершенно чужие, и мне интересно было слушать. То же происходит с кинофильмами. Это совершенно другой род искусства, совпадающий прямо в нем, в общем, и не должно быть, хочется лишь одного всегда: чтоб образ, который ты создал, как-то совпадал с тем, что видишь на экране. В «Звездападе», по моему, наиболее попадая в этом смысле, чего не могу сказать о «Таежной повести».

Как отношусь? Наверное, как и все — глазоу, что там происходит. Никогда меня коржит, иногда мне невольно... Из всех экранизаций пока ближе всего только «Звездапад» — хотя фильм от оригинала и очень далек. Сделан он талантливо, а в кинотеатрах почти не шел. На Красноярск, кстати, прислали только одну копию, зрители по существу его и не видели...

— Любите ли вы музыку? Как относитесь к современной музыке?

— Музыка люблю! Профессия писателя обязывает к тому, чтобы не только любить, но и постоянно быть с музыкой. Как и всякий нормально развивающийся человек, начинал я ее любить с примитива. Рос в деревне, знал балабайку, гармошку... Первый раз пианино увидел в Игарке, лет мне уже много было, наверное, 13 или 14. Увидел я его в Доме пионеров и даже, помню, погладил — настолько необыкновенным показался мне этот инструмент. А когда уж до него там дотронулись, по клавишам прошлись, впечатление — не передать...

Любил и эстрадную музыку, очень увлекался опереттой, но рано полюбил и оперу. Первую оперу я слушал в Красноярске в 1942 году. Здесь во время войны был объединенный, киевско-одесско-днепровско-эвакуированный театр. Работал он в здании нынешнего Драмтеатра имени Пушкина. И в тот же в 1942 году я впервые услышал оперу «Бал-маскарад» Джузеппе Верди. К слушанию этих сложных вещей я был, видимо, все-таки подготовлен Василием Ивановичем Соколовым, директором детдома в Игарке. Он был у нас образованнейшим человеком, с детства приучал слушать серьезную музыку...

В нынешнем, во взрослом состоянии, я люблю классическую, камерную музыку, собрал немало пластинок и записей. В своем кругу слышу даже меломаном...

— Ну а к современной музыке — как отношусь? К хорошей отношусь хорошо, а к плохой — плохо.

Какой день во время Великой Отечественной войны больше всего запомнился?

— Наверное, все-таки день переправы на Днепровский плацдарм. Я переправлялся вместе с другими с 23-го на 24 сентября сорок третьего года. Это один из самых страшных дней моей жизни. Поэтому, видимо, и запомнился. Хороших дней, если вы хотите, хороших дней на войне у меня не было. Были казусы, как, допустим, 1 мая 1944 года, я забыл про свой день рождения, только через два дня его вспомнил — в такой водоворот надо было попасть... (А теперь и с той поры сорок лет прошло...) Но не дай никому никогда из нынешних молодых не только такой день, как на переправе, пережить, но даже и во мне увидеть.

— А самый памятный день в детстве?

— Я когда-нибудь о нем напишу. Было это в Игарке. Я возвращался домой, а Игарка разделена очень странно: старый город, новый город и четвертый участок. И, как водится, детдом наш отнесли подальше, чтоб не хулиганили, не деляли, не мешали. Шел в общину на четвертый участок. Ветрено, в апреле ветра там бываю жуткие, а пальтишки, шапки, куртки — не те что сейчас... Шел и увидел на деревянном заборе полузамерзшую снегом кинолентку. Рукой стер снег с нее — оклемаи тогда редко рисовали, — стер и увидел, стоишь скрипач, очень красивый, а за ним парит в воздухе какая-то женщина в белом платье. Я прочитал: «Большой вальс». И мне до того захотелось посмотреть этот фильм, бегу так, когда чего-то невыносимо хочется, а необычно. Время позднее, мне 15 лет. Если бы даже у меня деньги были, все равно на взрослый сеанс не пошел. Пойти ой рубль, думаю, тогда... Уже первые звонки были, когда открыл я дверь кинотеатра. Касса там, снег, хрустит все, холодно очень, ветром хлопнуло за мной дверь — и, само, лежит на полу скомканный рубль! И кассирша на месте! «Тебя же не пустят, мальчик!» Я выпрошу, только дайте мне билет! — говорю. Дала она мне билет за 75 копеек, и я бегом стряпнул к контролеру. Уж как я ет там ухаживал — нас, детдомовцев, учить, как просят... С середины картины я просто плакал — так она потрясла меня. Рукавичи грязные, а я ими слезы по лицу растаю... Это был самый счастливый

день — один из прекраснейших дней в моей жизни. В повести «Кража» невозможно есть об этом, как главный герой смотрит картину «Большой вальс».

Мне повезло, много-много лет спустя, пожилым человеком я оказался в Сареве. И около горы Игиды увидел нечто знакомое. Аллея, едет фаяр, сидит в нем человек в котелке и погоняет лошадей, играет музыка. «Постойте», — говорю. — Что это за безымянное такое, это же кадр из «Большого вальса». А мне отвечают, что здесь и снимались эти кадры. А сейчас желающих за плату возят по аллее в фаяре. Я достаю какие-то денюжки и говорю: «Я немедленно желаю!»

— Вот какой был счастливый день у меня в детстве?

— Любите ли вы поэзию?

— Когда мне еще было очень сложно покупать книги, попросту не на что, я завел себе Слюнок, в который записывал, вырезал из газет любившиеся мне стихи. Поэзия — это пульс времени. Читайте, и вы ощутите по ней время. Плохая, пустая поэзия, значит, пустое, плохое время. Высокая поэзия — значит, высокое сложное время в жизни людей и общества. Этот блокнот по мной прожил, в самолете пролетал, в машинах проколесил десятки лет. Он и сейчас со мной, а тогда заменил все антологий. Даже у очень среднего поэта, если он рожден поэтом, всегда найдется в сборнике два-три совершенно блестящих стихотворения. Может, ради них он и брался за перо и рождался поэтом.

— Чем занимаетесь в свободное время?

— Ну свободного времени бывает очень мало. Ведь, кроме моих прямых обязанностей у меня немало других, и с возрастом они прибавляются. Но, если выпадает случай, я обязательно бываю в лесу на реке. Люблю рыбачить, люблю просто по лесу походить, грибы собирать, люблю в огороде копаться... Нынче ко мне ввук приезжал, ему три с половиной года, картошку копал в огороде с нами и до сих пор еще вспоминает в Вологде, как он (а говорит еще плохо), как он с бабой и дедом копал картофельники-ни-ни-ни. Надо, чтобы «картофельники-ни-ни-ни» ребенок копал с детства.

Я люблю садить, в моей родной Овсянке в огороде и елки насажал, и березы, и кедр растет в нем... Люблю какую-то естественную жизнь. Не вырубать эту красоту ради лишнего куста вьющихся над, а приближать к себе. Жаль, что многие земляки не понимают этого.

— Какое свое произведение выделяете и почему?

— И почему? Ну тут как-то односельчане не отвестишь. Вот, допустим, «Пастуха и пастушка» или «Оду русскому огороду» иногда открюю и удивляюсь, кто же так складно написал? Как будто и не мое. Но если судить по своему родственному, чуждым, чувству, роднее всех книга все-таки для меня «Шоколадный поклон». Я сейчас как раз занимаюсь тем, что поскольку вернулся на родину и живу в Омске, то потихоньку делаю в нее вкладываю. Новых книг не пишу, но какие-то неточности исправляю. Какие-то любопытные странички открываю вновь для меня. Буду, видимо, делать исправленное и дополненное издание книги.

— Ваше отношение к преподаванию литературы в школе?

— Учат ли сейчас наизусть отрывок из «Мертвых душ»? Учат! Это ужас! Учителей не вините, для них тоже программа дается. Но учить из «Мертвых душ» отрывок — это значит на многие годы убит в вас Гоголя, наповал убит. Есть люди, обладающие какой-то зрительной памятью, но учить вообще произведение — это безобразно. Надо бороться против ортодоксального преподавания литературы в школе, преподавания, которое отвергает от литературы, а не учит любви к ней.

Сам будучи отравлен от Гоголя школой нашей, тоже унизил наизусть какие-то отрывки, сейчас я переживаю «Мертвые души». Именно сейчас! В мировой литературе писателя, Гоголя равного, нет! при всем моем уважении к итальянской, испанской, английской и другим литературам. И чтения он требует зрелого, а не механического заучивания фраз и отрывков.

— Как вы относитесь к поэзии?

— Мне бы хотелось, захотелось ученику стихотворение выучить «Колокольчики мои, цветики...» — и дай бог! Пусть он скажет учителю, что любит это стихотворение и понимает его. А то ведь как выходит — и того не выучил, и этого не знает...

— Чем бы вы стали, если бы начали жизнь заново?

— Тем же, кем и есть. Писательская работа капризная, конечно, тяжела и в то же время доставляющая очень много радости во время процесса самого труда. Тем же бы и стал. Ничего бы не переменял, только просил у судьбы одно: предотврати войну и дай мне мать! У меня была, говорят, очень хорошая мать. К сожалению, я ее мало помню. Почти не помню...

Ничего бы не просил, кроме этого! Остальное как-нибудь, да доделаю... Только одного: мира и маму!

Размышления нашего обозревателя о творчестве молодых поэтов

НАДО ЛИ ПЛАКАТЬ?

Перечитываю классическую лирику. Что звучит в стихах? Ледяная тоска. Ярость, смешанная с презрением. Стрельба, дымы, оточенная до афоризма. Предчувствие упреждающего заворачивающегося ритма. Дивный образ. Прелесть — глубина мысли. Какая сила формы — какая поэзия. Совершенство формы — какая поэзия.

Прекрасно понимаю, что цитировать после таких строк молодых современников было бы безжалостно, но ведь заметки не могут быть без живых поэтических строк. Хотя любой может взять в руки альманах, журнал, поэтический сборник и поназвешивать сколько хочешь строк, строф и целых стихотворений, подтверждающих, что поэтический мир перенасыщен чувствами маленькими, обидными нетерпкими, дружелюбными, улыбающимися кривотытами. Память такие стихи не держит, бесполое дело. Но сколько же их предано бумаге, тиражам и, стало быть, вечности. Или Лете...

В книжном магазине на Новом Арбате, в отделе «Поэзия» обложками вперед выставлены поэтические книжки. Сюда нельзя ходить молодым поэтам. И когда через две недели они придут в Москву на Всесоюзное совещание молодых, пусть не портят себе настроение, пусть не заглядывают в этот книжный. Принадлежность к поэтическому цеху ощущается как знак избрания, а не как знак окажешься здесь. Веточка, ромашка, подснежник, голубая почка, солнышко, веточка, и так до бесконечности. «Восток». «Подснежник», «Утро». Огромная карточка этих веточек. Продавщики не могут упоминать имен, перебирают карточки.

Между прочим я вовсе не хочу сказать, что много поэтов — плохо. Мало поэтов, это как раз замечательно, люди пишут стихи, значат души поют у них... И — может, это не всем известно — одновременно с Пушкиными печатали свои стихи тысяча человек, пушкинсты со считали. Так для нашего просвещенно-

го времени нынешнее обилие веточек, может быть, не так уж и избыточно... Но вернемся к тому, с чего начали: поэзия являлась монотонной, чувства пропадали, мысли незатейливые. Какое-то есть, видимо, на то глубинные причины — что-то в самом времени, в жизни нашей, во всей системе воспитания, в комплексе культурных влияний. Сия проблема должна быть осмыслена мужскими умами. Я же возьму только одну — поверхность, а может, верхушечную, а может, боковую сторону дела. И предложу посмотреть, как вяжутся на состояние поэзии женщины — музы и вдохновительницы. Молодые поэтессы, надо полагать, наиболее сильно чувствующая, остро выходящая, духовно богатая часть поколения. Да и притом, как приятно говорить, лучшая часть. Посмотреть же, «что у них внутри», не составляет труда. Ибо публикация свершилась.

Главная тема стихов у поэтесс, как и положено, любовь. И это нормально и объяснимо. При этом любовь неблагоприятна. Но счастливая, «законная» любовь и во всякие времена чрезвычайной редкостью становилась предметом искусства. А сколько вершинных произведений дала векам любовь грешная, несчастная... сколько возвысила душ.

Что же у нынешних? «Моя любовь — поплин в цвет». Не пожелай другой! Горька? Но плащ и за ту цену дорогая. Моя любовь — трава-поплин, поплинное вино. Зато и в стужу, и в теплыню не портится оно... И служит... отпечатать берусь, на совесть и на страх. Всегда и всюду будет кусок поплина из губак».

Это Любовь Ковшова из Подмоховья, инженер Хорошая кака, между прочим, профессия — инженер... Так вот, гармонично Ковшовой я, риксу навлекая на себя гром и молнии и обвиняю... во всем подра, решаюсь проверить алгеброй!

Итак, почему-то любовь лирической героини в возлюбленном горька. Что ж бывает. Однако откуда некоторое что

ли злорадство в любимом сердце: горька? — но и за такую дорого платишь... Это «кно», это «и за ту» — не означает ли «сам недорого стоишь»? Странное, но пусть в этом будут смысл, чистота, искренность, подлинное чувство, простота, доброта, нежность... Ну хоть что-нибудь из прекрасных женских черт! «Повелевать тайги, ты идешь сквозь валежник... и несешь мне на счастье прозрачный подснежник в исполнении ручьица, как небо, огромных... От всевидящих глаз, неразумная, прыснешь. Мне только шагнуть и едва улыбнуться... Но не смею слушать, потому что распахнулось...» Ирина Антонова — филолог, ей, как говорится, бог велел. Лирической героини, по-видимому, лесник охотничий, по-видимому, подснежник девушка несет (один) в «исполнении ручьица, как небо, огромных» (что у них все-таки с образами)? А она отчего-то смущена... отчего-то ступит на смет... на тоненьких нитях надежда, на слабеньких крыльях любви по ветру семечка летит. Выть может, пробьется росток, быть может, созреют плоды... Выть может, а может не быть. А после откровения тетрадь в лиловых линейках ковыряет, стихи прочитав о том, что ты мне цыпок подарил, что я его слудла, смеялся. И оба смеялись до слез».

Слезы людские, о слезы людские... Эти проливал Марина Власова близкой (какая близкая, не права ли профессия) о чем плачет? Ну ни о чем, гражданке ни о чем. Он ей подарил одуванчик (что у них с подарками, обратите внимание). Она его слудла (он, видимо, расщеплялся, что мушкетиршует)... Ой, девочки... Неужели в прав-

ли злорадство в любимом сердце: горька? — но и за такую дорого платишь... Это «кно», это «и за ту» — не означает ли «сам недорого стоишь»? Странное, но пусть в этом будут смысл, чистота, искренность, подлинное чувство, простота, доброта, нежность... Ну хоть что-нибудь из прекрасных женских черт! «Повелевать тайги, ты идешь сквозь валежник... и несешь мне на счастье прозрачный подснежник в исполнении ручьица, как небо, огромных... От всевидящих глаз, неразумная, прыснешь. Мне только шагнуть и едва улыбнуться... Но не смею слушать, потому что распахнулось...» Ирина Антонова — филолог, ей, как говорится, бог велел. Лирической героини, по-видимому, лесник охотничий, по-видимому, подснежник девушка несет (один) в «исполнении ручьица, как небо, огромных» (что у них все-таки с образами)? А она отчего-то смущена... отчего-то ступит на смет... на тоненьких нитях надежда, на слабеньких крыльях любви по ветру семечка летит. Выть может, пробьется росток, быть может, созреют плоды... Выть может, а может не быть. А после откровения тетрадь в лиловых линейках ковыряет, стихи прочитав о том, что ты мне цыпок подарил, что я его слудла, смеялся. И оба смеялись до слез».

Слезы людские, о слезы людские... Эти проливал Марина Власова близкой (какая близкая, не права ли профессия) о чем плачет? Ну ни о чем, гражданке ни о чем. Он ей подарил одуванчик (что у них с подарками, обратите внимание). Она его слудла (он, видимо, расщеплялся, что мушкетиршует)... Ой, девочки... Неужели в прав-

ли злорадство в любимом сердце: горька? — но и за такую дорого платишь... Это «кно», это «и за ту» — не означает ли «сам недорого стоишь»? Странное, но пусть в этом будут смысл, чистота, искренность, подлинное чувство, простота, доброта, нежность... Ну хоть что-нибудь из прекрасных женских черт! «Повелевать тайги, ты идешь сквозь валежник... и несешь мне на счастье прозрачный подснежник в исполнении ручьица, как небо, огромных... От всевидящих глаз, неразумная, прыснешь. Мне только шагнуть и едва улыбнуться... Но не смею слушать, потому что распахнулось...» Ирина Антонова — филолог, ей, как говорится, бог велел. Лирической героини, по-видимому, лесник охотничий, по-видимому, подснежник девушка несет (один) в «исполнении ручьица, как небо, огромных» (что у них все-таки с образами)? А она отчего-то смущена... отчего-то ступит на смет... на тоненьких нитях надежда, на слабеньких крыльях любви по ветру семечка летит. Выть может, пробьется росток, быть может, созреют плоды... Выть может, а может не быть. А после откровения тетрадь в лиловых линейках ковыряет, стихи прочитав о том, что ты мне цыпок подарил, что я его слудла, смеялся. И оба смеялись до слез».

Слезы людские, о слезы людские... Эти проливал Марина Власова близкой (какая близкая, не права ли профессия) о чем плачет? Ну ни о чем, гражданке ни о чем. Он ей подарил одуванчик (что у них с подарками, обратите внимание). Она его слудла (он, видимо, расщеплялся, что мушкетиршует)... Ой, девочки... Неужели в прав-

ли злорадство в любимом сердце: горька? — но и за такую дорого платишь... Это «кно», это «и за ту» — не означает ли «сам недорого стоишь»? Странное, но пусть в этом будут смысл, чистота, искренность, подлинное чувство, простота, доброта, нежность... Ну хоть что-нибудь из прекрасных женских черт! «Повелевать тайги, ты идешь сквозь валежник... и несешь мне на счастье прозрачный подснежник в исполнении ручьица, как небо, огромных... От всевидящих глаз, неразумная, прыснешь. Мне только шагнуть и едва улыбнуться... Но не смею слушать, потому что распахнулось...» Ирина Антонова — филолог, ей, как говорится, бог велел. Лирической героини, по-видимому, лесник охотничий, по-видимому, подснежник девушка несет (один) в «исполнении ручьица, как небо, огромных» (что у них все-таки с образами)? А она отчего-то смущена... отчего-то ступит на смет... на тоненьких нитях надежда, на слабеньких крыльях любви по ветру семечка летит. Выть может, пробьется росток, быть может, созреют плоды... Выть может, а может не быть. А после откровения тетрадь в лиловых линейках ковыряет, стихи прочитав о том, что ты мне цыпок подарил, что я его слудла, смеялся. И оба смеялись до слез».

Слезы людские, о слезы людские... Эти проливал Марина Власова близкой (какая близкая, не права ли профессия) о чем плачет? Ну ни о чем, гражданке ни о чем. Он ей подарил одуванчик (что у них с подарками, обратите внимание). Она его слудла (он, видимо, расщеплялся, что мушкетиршует)... Ой, девочки... Неужели в прав-

ли злорадство в любимом сердце: горька? — но и за такую дорого платишь... Это «кно», это «и за ту» — не означает ли «сам недорого стоишь»? Странное, но пусть в этом будут смысл, чистота, искренность, подлинное чувство, простота, доброта, нежность... Ну хоть что-нибудь из прекрасных женских черт! «Повелевать тайги, ты идешь сквозь валежник... и несешь мне на счастье прозрачный подснежник в исполнении ручьица, как небо, огромных... От всевидящих глаз, неразумная, прыснешь. Мне только шагнуть и едва улыбнуться... Но не смею слушать, потому что распахнулось...» Ирина Антонова — филолог, ей, как говорится, бог велел. Лирической героини, по-видимому, лесник охотничий, по-видимому, подснежник девушка несет (один) в «исполнении ручьица, как небо, огромных» (что у них все-таки с образами)? А она отчего-то смущена... отчего-то ступит на смет... на тоненьких нитях надежда, на слабеньких крыльях любви по ветру семечка летит. Выть может, пробьется росток, быть может, созреют плоды... Выть может, а может не быть. А после откровения тетрадь в лиловых линейках ковыряет, стихи прочитав о том, что ты мне цыпок подарил, что я его слудла, смеялся. И оба смеялись до слез».